

Надин Гордимер Всякое барахло

Женщина по имени Берил Фелс купила у старьевщика старый жестяной сундучок, в котором, в виде премии, лежали лоскуты бархата и парчи. Дома она обнаружила под лоскутами еще одно «бесплатное приложение» – письма.

Она обзвонила всех своих друзей, чтобы предложить им тему поинтереснее командировок и детских простуд:

– Как нормальный человек поступает с чужими письмами?

– Возвращает хозяевам.

Дурацкий совет! Интересно, кому возвращать? Старьевщик наверняка понятия не имеет, чьи это письма. Эти люди кормятся с распродаж личных вещей, рыщут по ломбардам, скупают всякое барахло у тех, кому позарез нужны деньги.

– А вы прочтите их. Ну конечно же, прочтите!

Знакомый торговец книгами, он же знаток антиквариата, моментально вошел в роль. Это был вечно юный весельчак сорока пяти лет от роду, гомосексуалист и библиофил. Он и Берил Фелс вместе ходили в театр и на авангардные фильмы – с виду идеальная пара.

– Сжигают, наверное, что же еще? – заявила одна приятельница, самая беспринципная женщина в мире, которая не брезговала подслушивать телефонные разговоры своих детей.

– На черта тебе понадобился жестяной сундучок? – удивился другой знакомый, из тех, кто не может себе позволить тратить субботние утра на поиски безделушек или тащиться через весь город в какой-то особый магазин, чтобы нарваться на особый сорт сыра или недорогое хорошее вино.

Берил Фелс предназначала сундучок для хранения запасных ключей, мотков проволоки, крючков, на которые вешают картины. Живя без мужа, она научилась

– подумашь, большое дело! – выполнять разную мужскую работу без ущерба для своих холеных рук с идеальным маникюром, отвечающих представлениям мужчин о вечной женственности. Ей нужно было что-нибудь такое, что помогло бы очистить от посторонних предметов роскошный письменный стол желтого дерева (еще один результат субботних вылазок).

Все письма были адресованы одной и той же женщине на абонентский ящик в одном городе или до востребования в разных городах и даже странах. Самой Берил и в голову бы не пришло использовать сундучок для хранения писем. Хотя... такое количество! Она насчитала 307 писем и девять открыток. А также телеграммы – великое множество телеграмм, иногда даже не вынутых из прозрачных конвертов. Хранить телеграммы – в этом есть что-то странное... Она позволила себе прочесть одну депешу: вряд ли там говорится об интимных вещах. Читает же телеграмму почтовая служащая, когда подсчитывает слова!..

Телеграмма оказалась весьма лаконичной, без подписи. Только число, время, номер – скорее всего, железнодорожной платформы, – да еще загадочные слова, о содержании которых было трудно догадаться. «Да, да, да» – похоже на страстные заверения влюбленного. А какими еще могут быть триста семь писем, если не любовными? У Берил сложилось впечатление, будто не владелица писем, а кто-то другой сложил их в сундучок: некоторые конверты были помяты, словно валялись в куче других предметов. Очевидно, кто-то посторонний нашел их и побросал в сундучок в обратном порядке – на самом дне оказался стандартный лист бумаги с чем-то вроде инструкции; предполагалось, что он первым попадется на глаза тому, кто выдвинет ящик или откроет крышку коробки, в которую их сложила хозяйка. «Эти

письма и документы следует хранить непрочитанными в течение двадцати лет после моей смерти, а затем сдать в библиотеку или архив». Подпись – та же, что на конвертах. Самая поздняя дата на почтовых штемпелях относилась к 1940 году (значит, цифры на телеграмме действительно означали номер железнодорожной платформы, а не авиарейса) – очевидно, эмбарго уже утратило силу. Будь эта женщина жива, она бы скорее уничтожила письма, чем позволила им попасть в чужие руки. Берил Фелс приступила к чтению за утренним кофе. Не сняв халат, не заправив постель, не выходя на балкон полить цветы под музыку Моцарта или панк-рока (ее интересовало все, чем увлекались другие), как обычно делала по воскресеньям. В этот день она получила два приглашения на обед от знакомых супружеских пар, гетеро– и гомосексуальной, но оставила вопрос открытым на случай, если подвернется третье, более заманчивое. Кончилось тем, что она так и не вышла из дома, вообще осталась без обеда. Временами барабанный бой ее собственного сердца столь оглушительно отдавался в ушах, что ей начинало казаться, будто кто-то топает по квартире. У нее затекли ноги, а указательный палец с длинным, отточенным ногтем то и дело потирал вспотевшие крылья носа. Женщина, которой были адресованы письма, оказалась не какой-нибудь эммой бовари; партнер по переписке был ее критиком и доверенным лицом – и в то же время любовником. Его послания становились особенно пылкими после того, как до него доходил хвалебный отзыв о ее новой книге. Ему страстно хотелось заняться с ней любовью в тот самый миг, когда он увидел ее на кафедре читающей лекцию – в очках, прятавших ее глаза от посторонних. Он раздувался от гордости при виде ее имени, набранного типографской краской. Самые пространные письма содержали анализ поведения людей, которым, по его мнению, следовало бы поступить не так, а этак, выразить свои чувства в каких-то иных речевых оборотах или жестах. Очевидно, это относилось к персонажам романа или пьесы: ведь она была писательницей.

А он – он, скорее всего, был ученым-теоретиком. Не имея перед собой ее собственных писем, трудно было определить, в чем именно он упорно совершенствовался все годы, пока длилась переписка. Складывалось впечатление, будто предмет исследований был недоступен его подруге: в силу недостаточной подготовки или особенностей интеллекта, несмотря на ее блестящий ум, о котором он высоко отзывался в каждом письме, и профессиональный успех, служивший для него едва ли не большим сексуальным стимулом, чем красота («Над одинаковыми капустными кочанами – другими женскими лицами – твое лицо возвышается наподобие папоротника...» – он тоже был не чужд литературных изысков).

И она, в свою очередь, лелеяла честолюбивые мечты на его счет, негодовала, когда его обходили чинами, наградами или почестями. Это явственно вытекало из тех абзацев, в которых он старался охладить ее пыл, демонстрируя более трезвое и циничное отношение к судьбам талантов и наград в своей области. Он, как помои, изливал на нее всю злобу, испытываемую им по отношению к тем, кто добивался высокого положения недостойными методами. Он находил очень милыми и не пытался оспаривать – ибо знал себе цену – ее заверения в том, что, в противовес жалким подачкам, выпадавшим на долю других, самого его ждет Нобелевская премия.

Похоже, он действительно получил высокий знак отличия: выражения ее гордости стали для него чем-то вроде новой, утонченной любовной ласки. Чувствовалось, однако, что он старался скрыть от себя самого, дабы не испортить свой триумф, сознание ее неспособности в полной мере оценить масштаб его достижений и весомость наград. Об этом свидетельствовали кое– какие сбивчивые обороты и незаконченные фразы, которым он предпочел не придавать более ясную форму; в то же время ему было трудно что-либо скрывать от нее, даже ради их общего блага. На постороннего эти намеки производили жалкое впечатление, но

двум знаменитостям, мужчине и женщине, взаимные страсть и уважение служили своего рода смазкой, подобной выделениям слезных желез, обволакивающим случайно попавшую в глаз соринку, дабы предохранить радужную оболочку от повреждения.

Знаменитая женщина хотела пойти на церемонию награждения своего возлюбленного; целый месяц он сначала уговаривал, а затем буквально умолял ее отказаться от этой затеи. «Даже если ты выйдешь на Фрейзера через Эбенштейна, возможно ли, чтобы он не почуял неладное? Та еще альковная крыса! Нет, серьезно, любовь моя. На церемонию допускаются только члены научного общества и их жены. Говоришь, пресса? Они не посещают такие мероприятия. Это же не событие мирового значения. Позднее будет выпущен пресс-релиз с перечнем лауреатов. И потом – с каких это пор ты принадлежишь к журналистской гильдии? С чего вдруг такой интерес к деятельности общества? Да тебя же сразу узнает всякий, кто видел фотографии на обложках книг. А каково нам будет делать вид, будто мы незнакомы?..»

Очевидно, ее разочарование выразилось в возмущенных упреках, потому что в следующем письме он был вынужден развить эту тему: «Есть вещи, которых мы не можем себе позволить. Ты сама говорила: мы владеем сокровищем, о котором другие не могут даже мечтать. Я даже говорить об этом боюсь, чтобы не сплести. Это не только “мы”, не только величайшие дары нашей дружбы и близости, но и творческие свершения каждого из нас. Говорю совершенно объективно, дорогая: в скором времени твое имя станет одним из самых громких имен современности... Увы, раз мы не сподобились вместе барахтаться в болоте отупляющего быта, нам не суждено открыто гордиться своим участием в достижениях друг друга. Это – привилегия супружеских пар, чаще всего единственная. Зачем тебе понадобилось изображать из себя университетскую жену, такую, как моя, с которой муж больше не хочет не только спать, но даже и разговаривать, так что ей ничего не остается, как напяливать на публике положенную улыбку – все равно что шляпу...»

В другой раз она вознамерилась посвятить ему очередную книгу. Он с горьким сожалением констатировал, что вынужден отказаться от подобной чести. «Как бы ты ни зашифровывала наши имена инициалами или только нам известными прозвищами, ты все равно выставишь нашу тайну на всеобщее обозрение – уже одним признанием ее существования. Давай и дальше хранить ее так, как хранили пять лет. Это – цена счастья. Пусть средства массовой информации теряются в догадках, я и без посвящения знаю, что эта книга – моя надежда на бессмертие».

В пять часов вечера Берил Фелс дочитала последнее письмо. В нем не содержалось ни малейшего намека на ссору или даже разрыв; в то же время оно не было и взволнованной запиской с обещанием скорого свидания. Он писал, сидя за своим письменным столом и жуя бутерброд. Посреди мыслей о предстоящем выступлении на конференции в Гонконге его заставили взяться за перо те пять страниц, которые он только и успел прочесть (очевидно, имелась в виду ее новая книга), но спешит высказать, как это «свежо, трогательно и в то же время остроумно»...

Берил Фелс встала из-за стола. В желудке урчало; очертания комнаты от резкой смены фокуса стали размытыми, нечеткими. В пепельнице – тупо посчитала она – тринадцать окурков. Со всех сторон ее окружали субботние трофеи, возвращая ощущение реальности собственного существования. Она уставилась на внушительный стол желтого дерева из кабинета директора школы и на мгновение растерялась, как будто, ворвавшись в прошлое других людей, разворошила свое собственное – из мира прямых углов и полированных поверхностей перенеслась в заросший уголок сада с запретными детскими радостями. Она поднесла руки к лицу и украдкой, как ребенок, понюхала пальцы.

Она приняла ванну, застелила свою одинокую кровать, выбрала одну из шелковых рубашек, которые привыкла носить с брюками, – одним словом, окунулась в привычную рутину. Жаль, что сегодня воскресенье, иначе можно было бы позвонить в городскую библиотеку – нет ли у них книг этой женщины? И в случае утвердительного ответа самой помчаться туда. Возможно, другие, превосходящие ее эрудицией, установят личность мужчины. А если нет, письма приобретут еще больший вес. Это будет открытие, может быть, даже литературная сенсация! Она позвонила своему другу – знатоку антиквариата, но он, как всегда по выходным, отбыл на вечеринку. Оставалось с нетерпением ждать понедельника.

В понедельник она опросила своего друга-антиквара и двух добрых знакомых – заведующих городской и университетской библиотеками. О женщине– писательнице с таким именем никто не слышал. Все трое признались в этом весьма неохотно, с чувством неловкости за столь вопиющий пробел в своей профессиональной подготовке. Возможно, она принадлежала к так называемым «писателям для писателей» и была известна лишь среди посвященных. Тем не менее, в библиотечных каталогах не оказалось ни одной ее книги.

Исполнившись решимости довести дело до конца, Берил Фелс попросила одного приятеля свести ее с профессором престижного университета. Она не показала ему свою находку, но изложила все факты, которые помогли бы установить личность знаменитого любовника. И вновь осечка. Ни один ученый не подошел к данному периоду, данной области науки (это оказалась геофизика), а также стране, славящейся особо крупными достижениями в этой области. И уж во всяком случае, никого похожего не оказалось в списке лауреатов Нобелевской премии.

Знаток антиквариата посоветовал ей в любом случае сохранить письма.

– Ради наших внуков...

Он держал речь на одном из своих знаменитых обедов и тщательно рассчитал время, отведенное на «оживление в зале».

– Даже письма простых людей приобретают продажную ценность, если их, как вино, выдержать лет пятьдесят. Старые открытки с курортными видами, квитанции из прачечной... Для вас это новость? В противном случае как бы я мог закатить вам такую пирушку?

И с важным видом заключил:

– Чего только не коллекционируют!